

Секция «Психологическое состояние общества и власти как фактор устойчивого политического развития»

"Самоуничтожение человечества" в представлении Ханны Арендт

Научный руководитель – Полякова Наталья Борисовна

Уракаев Владимир Александрович

Студент (бакалавр)

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

E-mail: urakaeff.vladimir@yandex.ru

XX век показал, что мировая цивилизация является гораздо более опасной угрозой для себя самой, чем какие-либо внешние катаклизмы. Преступления, совершенные нацистами, «противоречили самой природе человека». Зверства, находящиеся далеко за пределами военной необходимости, были нападением на природу человека потому, что противостояли ее многообразию - атрибуту, без которого лишились бы смысла такие понятия, как «человечество» и «человечность».

По выражению самой Ханны Арендт, «не один единственный человек, а многие люди живут на Земле» (Арендт, 2000, с. 15) [2]. Отношения человечества и человека, отношения на границе человеческого и нечеловеческого стали основной темой исследования автора.

Прежде всего, стоит задуматься, а что делает каждого из нас человеком, вычленив человека из всех живых существ. Человечность как разумность есть предъясвление внутреннего бытия человека. Преступления против человечности можно понимать как нарушение (переход) границы человеческого. Совершив его, человек оказывается «не-человеком».

«Человечность» есть граница между человеком и животным. «Не-человек» есть животное. Оказывается ли им человек, совершая преступление, преступая «человечность»? Человек обладает все тем же внешним предъясвлением, «человеческим телом», но его внутреннее является ничем иным как проявлением «животности», т. к. его поведение становится поведением животного. Тогда кто это существо? По мнению нацистов, это «недо-человек». Таково было название для евреев, цыган и многих других народов, которых официальные власти Германии считали расово неполноценными. Это слово нацисты сделали определением настоящих преступников. Преступниками эти нации были потому, что не являлись для властей рейха людьми. Неразумные, «варварские орды» этих народов воспринимались ни как животные, ни как люди, ни то, ни другое, а, следовательно, они подлежали уничтожению. Так, преступником был объявлен «недо-человек».

Совершенно иное определение преступников было дано человечеством в лице суда в Иерусалиме. Обвинение провело персонификацию, предъясвив Эйхмана идеологом Холокоста, «окончательного решения еврейского вопроса». Преступником стал конкретный человек - Адольф Эйхман.

Следовало ли из этого, что совершенные Эйхманом преступления против человечности были преступлениями против разума?

Иллюстрацией разума служит речь. В случае обвиняемого на процессе в Иерусалиме этот принцип действовал весьма красноречиво: формализм, многочисленные клише речи - все это выдавало в Эйхмане его отношение к своей работе. Именно работе, повседневной рутине, в которую превратилось уничтожение «недо-человеков». Зло, приписываемое Адольфу Эйхману, зло, не знающее равных по ужасам, порожденным им, даже не было в достаточной мере осознано обвиняемым. Это зло исходило из рациональности Эйхмана, простой рациональности человека - естественного хода его существования.

«Проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких, как он, было много, и многие не были ни извращенцами, ни садистами - они были и есть ужасно и ужасающе нормальными» (Арендт, 2008, с. 411) [1].

Разделение человечества на «людей» и «недо-людей» было в Третьем рейхе не более чем одним из законов. Этот закон, в соответствии с которым действовал Адольф Эйхман, был для него простым способом выживания. Расчетливость, карьерный рост, манящий своей легкостью, - все это превращало разум, рациональность в расчетливость, которая вытесняла мораль. Вместе с ней исчезли такие категории, как добро и зло. Суд над Эйхманом оказался судом над рациональностью как расчетливостью.

Но данный закон был принят немецкой нацией. В гитлеровской Германии попросту не существовало и не могло существовать ни одного общественного института, который не участвовал бы в преступных действиях. Из этого следовало, что судить необходимо всю нацию, т.к. вся нация принимала этот закон. В этот момент нация становилась преступником.

Адольф Эйхман - оберштурмбанфюрер СС, начальник отдела гестапо IV-B-4, отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса» - был приговорен окружным судом Иерусалима к смертной казни 15 декабря 1961 года. Производство перед апелляционным судом верховного суда Израиля началось тремя месяцами позже. Прощение о помиловании было отклонено президентом Израиля Ицхаком Бен-Цви 31 мая 1962 года. Смертный приговор был приведен в исполнение в тот же день незадолго до полуночи.

«... международные военные трибуналы были международными лишь по названию, на самом деле это были суды победителей...» (Арендт, 2008, с. 382) [1].

«Суды победителей». Этого определения вполне достаточно, чтобы описать попытку обвинить немецкую нацию во всем том, за что был осужден Адольф Эйхман. Но учли ли победители свою причастность к совершенному преступлению, свою вину, вину несоизмеримо большую, чем казненный «палач»?

Значит, подобная участь ожидает и немецкую нацию. Но ее уничтожение в результате подобного судебного процесса превратит все человечество в «недочеловеков».

А существует ли вообще человечество? Совершая правосудие над целой нацией, обвиняя ее в преступлении против человечности, само человечество на деле лишь уподобляется тому, кого обвиняет. В мире, где расчетливость одержала верх над человечностью, где ей удалось эту человечность заменить, человечество само вполне подходит на роль обвиняемого - преступника, лишившегося разума. Человечество и есть этот самый преступник.

Зло стало банальным задолго до того как оно было названо таковым Ханной Арендт. Именно банальным, ведь в Третьем рейхе оно приняло свою радикальную форму. Банальным же оно стало благодаря человеку. Благодаря людям, таким как мы. Как каждый из нас.

Источники и литература

- 1) Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Издательство «Европа», 2008.
- 2) Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000 г.